

РАЗДЕЛ I

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ

ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА КРИПТОВАЛЮТЫ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ БЕЛАРУСИ

Исследование проведено
в рамках государственной программы научных исследований на 2016 – 2020 гг.
«Проблемы реализации правосубъектности участников гражданских и семейных
правоотношений и форм защиты их субъективных прав с учетом социально-
экономических преобразований в Республике Беларусь» (шифр 5.04)
по теме «Правовой режим криптовалюты как объекта гражданских прав
и налогообложения в условиях развития в Республике Беларусь».
Номер государственной регистрации 20192519.
Дата государственной регистрации: 5 сентября 2019 г.

Витушко Владимир Александрович, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры правового обеспечения экономической
деятельности Академии управления при Президенте Республики Бела-
русь, г. Минск

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы использования криптовалюты как нового объекта гражданских правоотношений в Республике Беларусь, ее видовой принадлежности, особенностей правового режима, легитимности и др. В связи с этим раскрываются проблемы введения и использования в гражданском обороте новых видов объектов, особенно в сфере цифровых технологий. Ограничение прав и свобод субъектов гражданских отношений, нарушение принципов равенства, монополизация использования новых видов объектов не позволят достичь ожидаемого эффекта повышения качества и эффективности товарно-денежных отношений. Отмечаются недостатки Гражданского кодекса Республики Беларусь в вопросах правового регулирования объектов гражданских правоотношений, требующие изменения данного нормативного правового акта.

The summary: the article deals with the use of cryptocurrency as a new object of civil relations in the Republic of Belarus, its species, features of the legal regime, legitimacy, etc. in this regard, the problems of introduction and use in civil circulation of new types of objects, especially in the field of digital technologies. Restriction of the rights and freedoms of subjects of civil relations, violation of the principle of equality, mono-

lization of use of new types of objects will not allow to reach expected effect of improvement of quality and efficiency of commodity-money relations.

Shortcomings of the Civil code of the Republic of Belarus in questions of legal regulation of objects of civil legal relations demanding change of this normative legal act are noted.

Поступила в редакцию 20.10.2019.

Введение

Понятие объектов гражданских прав и правоотношений, а тем более понятие криптовалюты Гражданским кодексом Республики Беларуси не определено (далее – ГК). Не было определено понятие объектов гражданских правоотношений и в законодательстве советского периода. Более того, советский ГК БССР 1964 г. вовсе не регулировал общих положений об объектах, определялись лишь виды объектов для отдельных правоотношений. Обусловлено это было отсутствием должного единства доктрины о понятии объектов гражданских правоотношений, даже по вопросу о возможности включения объектов в состав элементов гражданских правоотношений. Обзор советской доктрины по этому поводу опубликован нами ранее [1, с. 306–309; 2, с. 569–573].

В действующем ГК Беларуси общее понятие и признаки объектов гражданских правоотношений не закреплено. Согласно ст. 128 ГК определены лишь некоторые их виды. Определение понятия объектов гражданских прав в нынешней цивилистике делается на основе доктринальных положений, обычаев и практики. Поэтому для поиска ответов на вопросы о том, что такое криптовалюта в гражданских правоотношениях Беларуси, необходимо определиться с тем, соответствует ли криптовалюта складывающимся ныне представлениям о понятии объектов гражданских правоотношений, способности участвовать в гражданских правоотношениях, принадлежности криптовалюты к какому-либо из указанных в ГК видах объектов, особенностям правового режима криптовалюты. Без решения этих и других теоретических вопросов невозможно, в частности, унифицировать гражданско-правовое и публично-правовое (налоговое и др.) регулирование криптовалюты, а также в целом осуществить практическое воплощение стоящих задач совершенствования экономики, в особенности ее цифровизации.

Основной контент

Вопросы понятия и признаков объектов гражданских правоотношений и их применимости в гражданском обороте надо решать с учетом следующего. Действующее законодательство относит

к объектам гражданских правоотношений материальные и нематериальные блага. Согласно ст. 128 ГК к объектам относятся вещи и иное имущество, работы и услуги, информация, интеллектуальная собственность и нематериальные блага. Данный перечень носит относительно закрытый характер. Соответственно, новые виды объектов не могут дополняться иным законодательством, если такие объекты не вписываются в приведенный перечень. Исходя из этого следует, что криптовалюта не относится к объектам гражданских правоотношений в Беларуси либо относится к числу разновидностей одного из перечисленных видов объектов согласно ст. 128 ГК. Если считать, что Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» (далее – Декрет № 8) вводит новый вид объектов, то есть криптовалюту, то это противоречит ст. 128 ГК. Положения ст. 3 ГК о придании декретам большей силы над ГК доктринально не соответствуют Конституции Республики Беларусь (далее – Конституция). Декрет № 8 можно толковать и таким образом, что он, вводя криптовалюту в гражданский оборот, легализует ее как одну из разновидностей, приведенных выше объектов. По нашей гипотезе криптовалюту логично причислять к разновидности имущественных прав или «иного имущества». С теоретической точки зрения это вполне оправданно исходя из следующего.

Рассматривать криптовалюту как вещь в традиционном ее понимании нельзя, поскольку она производится и находит свое использование в виртуальном пространстве. Криптовалюта не существует и в виде банкнот или монет, в чем ее также нельзя отнести к вещам. Она представляет собой зашифрованные цифровые записи в закрытых сферах виртуального пространства. Понятие виртуального пространства и всего того, что в нем функционирует, вызывает массу вопросов. Тем более, что в ст. 128 ГК недвусмысленно объекты гражданского оборота и окружающего нас мира поделены на материальные и нематериальные. Соответственно, часто перед гражданами стоит вопрос о том материально или нематериально виртуальное пространство, а также функционирующая там криптовалюта. Ведь если криптовалютные правоотношения нематериальны, то это и не имущество во все. По этому поводу надо недвусмысленно сказать следующее. Белорусской юридической доктриной еще в 90-е гг. XX в. была отвергнута советская идеологическая догма, сохраненная и в ст. 128 ГК, о делении окружающего нас мира на материальный и нематериальный, идеальный. Данная парадигма имела деструктивный характер, поскольку игнорировала и порой разрушала многие важные для человечества завоевания его разума и творчества. Вместо этой антинаучной идеологии

было заявлено, что объектами гражданских правоотношений могут быть любые *имущественные и личные неимущественные блага реального (виртуального) характера в виде тел, идей, деяний, ощущений, связей, информации и др.* [2, с. 569]. Таким образом, реальным, т. е. материальным, было признано и то, что находится в пределах так называемого *виртуального пространства*, во-первых. Во-вторых, реальностью объявлены не только вещи, способные воздействовать на органы чувств человека, либо личные блага человека, но и идеи, информация и иные явления, способные восприниматься разумом и органами чувств человека, а также воздействовать на его интересы. Исключение идей, теорий, процессов и иных из числа объектов некоторых гражданских правоотношений, как, например, в авторском праве (п. 4 ст. 992 ГК), носит субъективный характер. Соответственно, такие явления природы и общества, способные восприниматься человеческим разумом объективно, могут включаться в состав объектов гражданских правоотношений. Это соответствует и некоторым нормам ГК, например о праве граждан на взыскание морального вреда как физического и нравственного страдания личности (ч. 2 ст. 152 ГК). Причем эти субъективные индивидуальные страдания законодательно легализованы для каждой личности, а значит, за таким субъективизмом признана социальная значимость и ценность. И это невзирая на то, что размер имущественного вреда будет разным для каждой личности. Наоборот, индивидуальный подход здесь обязателен. Более того, человек не существует вне взаимосвязи тела с чувствами, идеями, а также иным восприятием себя и окружающей действительности. Иными словами, то, что ранее называлось материальным и идеальным, в человеке и обществе связано неразрывно. Одно без другого не существует.

Сказанное означает, что следует подчеркнуть еще раз: тела, чувства, идеи и иные явления, связанные с деятельностью человека и общества, определяющие человека как существо общественное, не существуют обособленно, а только в неразрывной взаимосвязи. Самый простой вывод, который следует сделать из сказанного для юриспруденции в целом и гражданских правоотношений в частности, это доказательство верности высказываний Аристотеля, что формальный закон не должен применяться без того человеческого сопровождения, которое называется правдой и справедливостью. Человеческое измерение поведения людей, аксиологический аспект оценки правоотношений и их структуры не должны подменяться одной буквой формального законодательства, тем более если она лишает личность ее прав и свобод.

С учетом сказанного на современном этапе *все объекты гражданских прав и правоотношений, имущественные и неимущественные,*

будучи неразрывно взаимосвязанными, тождественны одни другим и транзитивны, т. е. способны выполнять функции других объектов. С точки зрения права имущественные и неимущественные блага и права равноценны для человека и общества. Любые идеи, если они вызовут интерес у лица, желающего их приобрести в полном объеме либо ознакомиться с ними с согласия создателя таких идей (автора), могут стать объектами товарно-денежного оборота (купли-продажи, лизинга, иных договоров по оказанию услуг и т. п.).

Неудовлетворительное решение в ст. 128 ГК вопроса о перечне объектов гражданских правоотношений вызывает предположение об отнесении криптовалюты к такому виду объектов, как информация. По этому поводу надо сказать следующее. Всякое явление природы, общества и права, включая вещи и иные объекты гражданских правоотношений, несут в себе информацию о себе и о тех явлениях, с которыми они соприкасаются, а также о процессах, в которых данные явления участвуют. Информация есть составной элемент всякого объекта гражданских правоотношений, включая и криптовалюты, коль скоро она вовлекается в гражданский оборот. Соответствующая информация может иметь юридическое и товарное назначение, т. е. способность участвовать в товарном обороте, независимо от того, охраняется она кем-либо, носит закрытый или открытый характер. Это значит, что *информация есть универсальный объект гражданского оборота, объединяющий и делающий тождественными все иные объекты гражданского права*. В таком виде она и должна быть зафиксирована в ст. 128 ГК. При этом правомерным будет выделять отдельные виды информации как особо ценные для гражданского оборота, как это сделано там же для вещей и иного имущества. Нынешняя редакция ст. 128 ГК, закрепляющая социально-правовую ценность только нераскрытой информации, ограничивает понимание и оборот информации как объекта гражданских правоотношений. Точно так же, учитывая товарное назначение информации, вещей и иных объектов гражданских правоотношений, понятие товара применимо ко всем объектам гражданских отношений, зафиксированных в ГК, и является для них универсальным.

Что касается криптовалюты, то она, исходя из сказанного, *не может рассматриваться только как информация, а тем более как нераскрытая информация*. Она представляет собой зашифрованные цифровые записи в закрытых сферах виртуального пространства. Поэтому ее можно рассматривать как *цифровую информацию*. Но это только одно из ее качеств. В мировой и отечественной практике криптовалюте приданы и иные качества.

Так, исходя из международного опыта использования криптовалюты, можно предположить, что она есть деньги. Но на этот счет указаний в Декрете № 8 нет, а значит, криптовалюта как деньги этим декретом не легализована в Беларуси, хотя, будучи мерой (эквивалентом) стоимости иных валют, криптовалюта выполняет функцию денег. Криптовалюта отличается от денег тем, что она не отражает реальной стоимости валового национального продукта в том объеме, в котором криптовалюта выпущена в гражданский оборот. Криптовалюта не гарантирована и государством в своей номинальной стоимости. Иными словами, она не обеспечена национальным продуктом и ее увеличение способно вести к инфляционным процессам, что обычно происходит с увеличением выпуска денег. Будучи отражаемой в бухгалтерских отчетах как актив, криптовалюта есть финансы. Значит *криптовалюта – это суррогат денег*. Они эмитируются не государством, а физическими, частными и государственными юридическими лицами, и индивидуальными предпринимателями. А поскольку деньги, согласно ст. 128 ГК, имеют признаки имущества, то и такой их суррогат, как криптовалюта, также имеет признаки имущества.

Белорусские токены нельзя отнести и к акциям, в обычном их понимании. Хотя, сходство криптовалют с бездокументарной ценной бумагой есть, поскольку как цифровые зафиксированные записи она при обмене дает права ее обладателю. Но криптовалюта нелегальна с точки зрения ст. 150 ГК. Кроме того, в силу особенностей акций и криптовалюты бездокументарные ценные бумаги участвуют в гражданском обороте открыто и подлежат учету, а также подтверждению документально, путем выдачи сертификата владельцу такой ценной бумаги. А токены по общему правилу открыты лишь для ограниченного круга лиц.

Криптовалюта имеет и признаки объекта интеллектуальной собственности, поскольку производится как результат творческой деятельности. Особенно если говорить о новых видах криптовалюты, новых процессах ее получения, иных ноу-хау. Но интеллектуальное творчество, как и информация, сопровождает всякую деятельность субъектов гражданских правоотношений. Соответственно, результаты интеллектуальной деятельности носят универсальный характер для всех объектов гражданских отношений, вещей, работ, услуг и др. Но криптовалюта не есть только объект права интеллектуальной собственности. Как мы уже видели, она имеет признаки имущества, денег, ценных бумаг, информации и результата творческой деятельности.

Легализованная в качестве нового вида имущества, криптовалюта в Беларуси имеет ограниченные способы использования. Согласно

п. 2 Декрета № 8 с учетом того, что до принятия настоящего Декрета обращение цифровых знаков (токенов) (далее – токен) не было урегулировано законодательством и, соответственно, они не являлись объектом правоотношений, установить, что юридические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных настоящим Декретом, совершать следующие операции: через резидента Парка высоких технологий, осуществляющего соответствующий вид деятельности, создавать и размещать собственные токены в Республике Беларусь и за рубежом; хранить токены в виртуальных кошельках; через операторов криптоплатформ, операторов обмена криптовалют, иных резидентов Парка высоких технологий, осуществляющих соответствующий вид деятельности, приобретать, отчуждать токены, совершать с ними иные сделки (операции).

Физические лица вправе владеть токенами и с учетом особенностей, установленных настоящим Декретом, совершать следующие операции: майнинг, хранение токенов в виртуальных кошельках, обмен токенов на иные токены, их приобретение, отчуждение за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, а также дарение и завещание токенов.

Оператор криптоплатформы вправе: открывать счета в банках, небанковских кредитно-финансовых организациях в Республике Беларусь и за рубежом для проведения расчетов по торгам и осуществляемым им операциям; получать за оказываемые услуги вознаграждение, в том числе токенами, устанавливать его размер и порядок взимания с участников торгов (клиентов); совершать (организовывать) сделки с резидентами и нерезидентами Республики Беларусь, направленные на размещение токенов, в том числе за рубежом, приобретать и (или) отчуждать токены за белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, обменивать токены на иные токены в интересах клиентов либо в своих интересах; совершать (организовывать) иные сделки (операции) с токенами, *за исключением операций по обмену токенов на объекты гражданских прав иные, чем белорусские рубли, иностранную валюту, электронные деньги, токены.*

Согласно указанному тексту Декрета № 8 криптовалюта может функционировать только при посредничестве резидентов Парка высоких технологий. Таким образом, резиденты Парка высоких технологий получили право на монополию организации и координации работы с криптовалютой. Такая монополия не есть естественная, она искусственная. Это не имеет ничего общего с лицензированием отдельных видов деятельности в гражданском обороте. При лицензировании каждый вправе получить лицензию на данный вид деятельности в силу

принципа равенства участников гражданского оборота (ст. 2 ГК). Коммерческой деятельностью сегодня вправе заниматься как государственные, так и любые частные лица. Следовательно, легализованная для закрытого круга лиц, а не для всего общества, самостоятельная, без посредников *деятельность по майнингу и обороту криптовалюты не отвечает признакам объекта гражданского оборота* с равными условиями для всех субъектов гражданского права, не обеспечивает действие принципа равенства в гражданском обороте.

Что касается процесса участия криптовалюты в гражданских правоотношениях, то в Беларуси для перехода к другому лицу прав, которые удостоверяются токенами, достаточно передачи токена этому лицу, за исключением перехода права, требующего государственной регистрации. Передача токена считается совершенной в момент отражения подтвержденной операции по передаче токена адресату в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе согласно действующим в них правилам (протоколам).

Допускается использование токенов в качестве вознаграждения за верификацию, совершение других операций в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе.

Таким образом, и с точки зрения диверсификации использования криптовалюты в Беларуси она носит ограниченный характер для оборота в качестве объекта гражданских правоотношений. Токены могут использоваться как средство совершения валютных операций по приобретению на них белорусских рублей и иностранной валюты и отчуждению токенов за белорусские рубли и иностранную валюту в стране и за рубежом. Совершать иные сделки по обмену токенов на иные объекты гражданских правоотношений, кроме рублей и валюты, нельзя. Получение вознаграждения операторами криптоплатформы в токенах – это еще одно из редких дозволенных действий с токенами.

Из этого следует, что использование криптовалюты (токенов) в Беларуси в качестве объектов продажи и покупки за белорусские рубли и иностранную валюту в стране и за рубежом (права «приобретать, отчуждать токены») есть ничто иное, как имущественные отношения в рамках договоров купли-продажи, дарения и завещания. При этом надо отметить, что Декрет № 8 не указал на возможность наследования токенов в форме наследования по закону. Этим проигнорированы общие положения ст. 7 ГК о естественном возникновении прав граждан, на чем нужно будет еще остановиться отдельно.

Среди указанных договоров наибольшее хождение в гражданском обороте имеет купля-продажа. А продажа и покупка токенов за белорусские рубли и иностранную валюту есть ничто иное, как валютно-

денежные операции. Причем продажа и покупка токенов юридически лицами и индивидуальными предпринимателями есть предпринимательская деятельность по извлечению прибыли. Обмен токенов на иностранную валюту возможен на криптобиржах. Такой биржей в Европе является компания BitStamp [3]. Осуществление обмена токенов с учетом рыночной конъюнктуры и на биржах носит спекулятивный характер. Запрет менять токены на иные объекты гражданских правоотношений легализует узкое и конкретно направленное спекулятивное использование токенов.

Исключение обмена токенов физическими лицами из числа видов предпринимательской деятельности согласно Декрету № 8 и ст. 1 ГК есть предоставление очередной ниши для узкой категории граждан, которым дозволено участвовать в майнинге и рисковом, но спекулятивном обороте токенов как суррогатов денег.

Анализируя текст Декрета № 8, можно заметить, насколько сильными остаются ошибочные советские стереотипы мышления о гражданских правоотношениях и их объектах. Так, противоречащими ГК и доктрине являются положения п. 2 Декрета № 8 о том, что «...до принятия настоящего Декрета обращение цифровых знаков (токенов) (далее – токен) не было урегулировано законодательством и, соответственно, они не являлись объектом правоотношений». Здесь явно прослеживается влияние плохо забываемых стереотипов буржуазного и советского прошлого, когда гражданам разрешалось иметь и осуществлять только те права, которые им дозволяло государство и его законодательство. Такой подход в виде теории делегированных прав возник в период промышленного капитализма и совершенно неприемлем с точки зрения теории естественных прав человека и демократического социального государства [4, с. 79].

Действующий ГК Беларуси по этому поводу дает совершенно ясный подход. Согласно п. 1 ст. 7 ГК гражданские права и обязанности возникают из оснований, предусмотренных законодательством, а также из действий граждан и юридических лиц, которые хотя и не предусмотрены им, но в силу основных начал и смысла гражданского законодательства порождают гражданские права и обязанности. В соответствии с этим гражданские права и обязанности возникают: из договоров и иных сделок, предусмотренных законодательством, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законодательством, но не противоречащих ему; в результате создания и приобретения имущества по основаниям, не запрещенным законодательством; вследствие иных действий граждан и юридических лиц. Таким образом, ГК недвусмысленно указывает на то, что майнинг

криптовалюты, обменные операции с ней с использованием любых объектов гражданских правоотношений были легальными и до принятия Декрета № 8, поскольку это не было запрещено законодательством. Примечательны по этому поводу практические разъяснения телеведущих по СТВ утром 18 сентября 2019 г. с комментариями юриста, что запреты вносить детские коляски, велосипеды, самокаты и прочее имущество в торговые системы, даже если при входе висят запретные таблички, незаконны. Граждане вправе вносить свое имущество в магазины, поскольку законом это не запрещено. Объектами гражданских прав и правоотношений могут быть любые явления, вовлеченные воображением человека в гражданский товарно-денежный оборот. Так, например, объектами прав могут быть летающие корабли-призраки в океане, миражи в горах, в пустыне и иные, создаваемые человеком и (или) окружающей средой, коль скоро они способны быть воспринимаемыми человеческим разумом и его чувствами для неопределенного числа лиц. Такие миражи есть реальные объекты и объективны, поскольку субъективно только то, что воспринимается и отражается одним единственным лицом или одной узкой группой лиц.

Так и криптовалюта, созданная гражданином в виртуальном пространстве и став его собственностью, может использоваться в гражданском обороте с заинтересованными лицами, меняться на любое имущество, поскольку это законодательно не запрещено. Возникновение и введение в торговые (гражданские) правоотношения криптовалюты за рубежом и в Беларуси изначально, до Декрета № 8, было результатом таких не запрещенных законодательством, а значит, легальных, законных действий граждан, юридических и иных лиц. В связи с этим следует отметить, коль скоро Декрет № 8 ввел один вид криптовалюты – токены и не запретил иные виды криптовалюты, например биткоины, то биткоины и иные виды криптовалюты могут свободно участвовать в гражданском обороте в виртуальном пространстве между заинтересованными лицами. Причем они могут участвовать в самом широком перечне сделок, кроме запрещенных.

Но с учетом возможности активного использования криптовалюты как суррогата денег ее оборот должен быть ограничен гражданско-правовыми методами, а не казуальным административным регулированием. Криптовалюта, обращаемая в узком и замкнутом кругу лиц, не имеет признаков объективной социальной значимости. Ее субъективная ценность и сомнительная общественная значимость выводят криптовалюту за пределы социально значимого гражданского оборота.

Криптовалюту нельзя было использовать ранее, до Декрета № 8, а также нельзя использовать ныне в правоотношениях с теми объекта-

ми, которые подлежат государственной регистрации, поскольку процедуры и объекты госрегистрации определены исчерпывающим образом законодательством Беларуси.

Для участия явлений окружающего мира в качестве объектов гражданских прав и правоотношений необходимо, чтобы такие объекты отвечали следующим условиям (признакам):

– они должны быть *реальны и доступными* для воздействия на них субъектов гражданских правоотношений. Доступность может выражаться в возможности видеть, слышать данные объекты, воспринимать их иным образом. В рамках доступности соответствующие объекты не должны быть монополизированы; объекты гражданских прав и правоотношений должны быть *пригодными* для определенных целей использования;

– они должны *представлять социально-правовой, охраняемый государством интерес* хотя бы для одного субъекта гражданского права;

– объекты должны иметь *количественно-качественную, временную и иную определенность* с точки зрения объема, веса, длины, стоимости и др.;

– они *не должны быть запрещены* для участия в гражданском обороте с точки зрения общественных интересов [2, с. 569].

Представляется, что криптовалюта не во всем соответствует названным признакам объекта гражданских прав и правоотношений.

Реальность объекта означает, что данное благо досягаемо для воздействия на него человеком любыми из известных технических, экономических, информационных и иных способов или средств. Например, помимо осязаемых вещей, в гражданском обороте сегодня используются объекты виртуального мира. Воздействие человека на них возможно с помощью современных технических и информационных средств. Более того, виртуальное пространство способно заменять и дополнять традиционную сферу реального гражданского (товарного) оборота. Так, годовой объем торговли в виртуальном пространстве уже в начале 2000-х гг. составлял около десяти процентов мировой торговли, а сегодня превышает этот уровень в разы. Используемые в таких сделках объекты с правовой точки зрения являются реальными. Реальность таких объектов подтверждается и соответствующими расчетами на счетах их продавцов и покупателей, влиянием этих сделок на инфляционные и иные экономические процессы в обществе. Поэтому вовлечение таких новых объектов, как криптовалюта, неизвестных еще в те годы, только увеличивает риски негативного влияния на мировые и национальные рынки и требует соответствующего повышения уровня контроля за этими процессами. В современном обще-

стве, в особенности в гражданском обороте, нет явлений идеальных, нематериальных, как это представлялось в философии до середины XX в. Все, что использует человек и субъекты прав, материально, объективно и реально, включая духовные ценности, отраженные в произведениях литературы и искусства, технические результаты творческой деятельности. Они с той же силой, а может и большей, влияют на здоровье, психику людей, права и интересы отдельного человека и всей нации, как и продукты питания, особенно с генной модификацией.

Юридическая допустимость участия разного рода благ в гражданском обороте означает, что их оборот допускается, но может быть ограничен. В условиях государственного регулирования экономики в социальных интересах ограничение оборота объектов по условиям ценообразования, качества, особенностям правового статуса субъектов и другим юридическим критериям повсеместны. В современных гражданских правоотношениях нет таких объектов, которые в той или иной мере не ограничивались бы законодательством, принципами права, требованиями учета прав и законных интересов третьих лиц, учета существа соответствующих благ. Криптовалюта – это такие объекты, которые подвергаются ограничениям наиболее сильно. Встречающиеся в законодательстве и литературе указания на свободный гражданский оборот некоторых объектов правоотношений противоречат принципам права.

Важным признаком объектов гражданских правоотношений является их количественно-качественная определенность. Количественно-качественная определенность *имущественного и неимущественного* блага означает его конкретизацию на основе соответствующих национальных или международных единиц измерения, стандартов качества и др. Для этих же целей используются меры стоимости и др. На основе количественных и некоторых иных критериев формируется понятие делимости имущества. Таких критериев количественного характера для токенов в Беларуси нет. Их стоимостное соизмерение также не устанавливается даже на определенное время. Значит, токены данному требованию не отвечают и *не могут рассматриваться в должной мере как объекты гражданских правоотношений.*

Качественная определенность имущественных благ (объектов) фиксируется техническими стандартами, экономическими характеристиками, энергетическими, санитарными, искусствоведческими и иными социальными требованиями. Для этого также существует разветвленная система соответствующих национальных и международных нормативов. Наконец, качественная определенность

предполагает возможность использования вещи по ее функциональному назначению для целей, поставленных субъектами гражданских правоотношений. Такие цели определяются в договорах, законодательстве либо вытекают из обычаев гражданских правоотношений. Функциональность объектов означает их способность быть использованными по соответствующему социально-экономическому, техническому и иному назначению, для которого они изначально предназначены. В таком понимании токены могут использоваться в гражданском обороте.

Социальная значимость предполагает ценность объекта хотя бы для одного лица в гражданском обороте, интересы которого заслуживают общественной охраны. Например, вещь может утратить меновую стоимость в силу ее физического и морального износа. Но для собственника или иного лица она может представлять не только экономическую, но и иную потребительскую, личную ценность. Коль скоро в случае с токенами речь не идет о нарушении собственником установленных правил, то за субъектом гражданского оборота может сохраняться право на защиту своего имущественного интереса, включая права собственности на криптовалюту. Так, например, бытовые отходы для отдельных граждан и стран есть нежелательное бремя, от которого хочется, но не просто избавиться. А для других стран такие отходы являются предметом внешнеторговых сделок, а их переработка является солидной статьей дохода этих стран. Современное законодательство учитывает значимость любой вещи для личности и для этого устанавливает понятие брошенной вещи (ст. 227 ГК). Такого рода нежелательные и нежелательные объекты также могут обладать правоохранным иммунитетом.

В гражданском праве используется понятие юридической многофункциональности вещи. Так, деньги могут быть объектом правоотношения купли-продажи, а также, объектом правоотношения собственности. Значит, деньги могут быть одновременно объектом и вещного, и обязательственного гражданских правоотношений. Они же являются не только объектом прав, но и юридическим фактом как основанием других прав. Эти представления применимы и для криптовалюты, поскольку она является суррогатом денег. Так, предоставление токенов продавцу валюты по договору является основанием права продавца токенов на определенный объем валюты. Многофункциональность объектов, возможность применения к ним общих (универсальных) и специальных норм определяют комплексность их правового режима. Возможность применения к токенам общих норм гражданского и специального законодательства также указывает на их юриди-

ческую многофункциональность даже в условиях ограниченного применения.

Все объекты гражданских правоотношений, участвующие в эквивалентном обмене на деньги или иные блага, могут рассматриваться как товары. Соответственно, все они могут регулироваться еще более универсальными, то есть едиными для всех товаров или работ нормами. Так, вещи, имущественные права и работы могут подвергаться единому регулированию по нормам о договоре купли-продажи (ст. 424 ГК). Деньги в гражданском праве также могут рассматриваться как объект правоотношений только тогда, когда они используются в качестве товара, в частности при обмене национальной валюты на иностранную валюту, в кредитных договорах и аналогичных правоотношениях. Кроме того, назначением денег является выполнять функцию средства платежа, эквивалента всего другого имущества в гражданском обороте, товара и др. Токены, согласно Декрету № 8, предназначены для использования только в качестве товара по обмену на национальную и иностранную валюту. Они здесь, как во всяком договоре мены, выполняют и функцию средства платежа, т. е. функцию денег. Но вот быть универсальным эквивалентом обмена для всех товаров, работ и услуг токенам не дозволено. Поэтому и по этому критерию они *не могут в полной мере рассматриваться как объект гражданских правоотношений*.

Использование такого «темного пятна», как криптовалюта, в гражданских правоотношениях *имеет и негативный аспект*. Дело в том, что действия с любыми объектами, а тем более с данным темным пятном с участием контрагентов всегда оказывают влияние на права и законные интересы неопределенного числа третьих лиц, граждан, организаций, государства. Соответствующие действия (бездействия) субъектов гражданского права являются предметом гражданского правового регулирования. Поэтому будет справедливым отметить, что *действия с криптовалютой требуют особого контроля со стороны государства и гражданского общества*.

Надо учитывать и то, что Декрет № 8, регулируя токены как объекты гражданских правоотношений, не учитывает того, что криптовалюты в гражданском праве могут рассматриваться и как предметы гражданских договоров (ч. 2 п. 1 ст. 402 ГК). В законодательстве и теории обязательственного права принято говорить не об объектах, а о предметах обязательственных правоотношений. Различие понятий предмета и объекта правоотношений в том, что предметы гражданских договорных и иных гражданских правоотношений всегда подвергаются гражданско-правовому регулированию, тогда как объекты граждан-

ских прав, как уже сказано, не подвергаются, а зачастую и не могут подвергаться такому регулированию.

Статья 128 ГК не учитывает этого обстоятельства. Более того, вносит путаницу в соответствующую терминологию. В ней закреплены неверные представления даже для советской доктрины о видах объектов. Такие объекты, как жизнь, здоровье, имя, честь и достоинство личности в советской доктрине, назывались личными неимущественными, а не нематериальными благами [3, с. 83]. А права на указанные личные блага следует называть неимущественными, поскольку из существа возникающих прав и правоотношений не вытекает иного. Так, например, право на имя, используемое в наименовании полного товарищества, может иметь товарно-денежную оценку и будет иметь признаки имущественного права. Неопределенность данных понятий не способствует стабилизации оборота объектов всех видов в гражданских отношениях.

Все объекты гражданских прав имеют *одновременно и имущественную, и неимущественную ценность*. Такую оценку дает своему имуществу всякий собственник. Алмазы и бриллианты, например, имеют и товарную, и культурную ценность. Иные вещи могут иметь семейную и иную личную ценность. В современном бухгалтерском учете производственное оборудование учитывается с точки зрения как его физического, так и морального износа, что сказывается на возможности его эффективного использования в процессе производства, денежной оценке. Объекты авторских прав также имеют интеллектуальную личную неимущественную и товарно-денежную имущественную ценность. Эмитируемые индивидами виды криптовалют на практике иногда называются именами их создателей. Тем самым, такие криптовалюты приобретают личную неимущественную ценность для их создателя. На этой основе к различным объектам гражданских прав могут применяться нормы и об имуществе, и о личных неимущественных благах. Значит, к токенам также должны были бы применяться нормы, регулирующие имущественные и неимущественные гражданские правоотношения. Но из ст. 128 ГК этого не вытекает.

Неимущественную и имущественную ценность имущество может иметь как для отдельного лица, так и для всего общества, когда речь идет, например, о частной коллекции предметов живописи, особо ценных памятников истории, искусства и культуры, иных объектах имущественного и неимущественного характера. Это ведет к еще более усложненному комплексному правовому регулированию объектов гражданских прав. Участвовать в такой работе дано не каждому. К ней пригодны как одаренные сомоучки, так и лица со специальной подго-

товкой. С этой точки зрения монополизация работы с криптовалютой ущербна для общества. Широкомасштабное решение стоящих задач повышения качества и эффективности экономики, цифровизации всего народного хозяйства в таких условиях выглядит призрачно.

В гражданском праве понятия субъекта и объекта правоотношения имеют обособленное определение и регулирование. При этом в своих дискуссиях многие авторы прибегают к абсолютизации такого обособления, что явно недопустимо в науке. С общенаучной точки зрения понятия субъекта и объекта всегда взаимозаменяемы в зависимости от того, какое из этих явлений ставится в положение активно воздействующего на другое, пассивное явление. Предполагается, что без такой взаимозависимости и взаимозаменяемости невозможно развитие и эволюция явлений природы и общества. В гражданском праве это означает, что субъекты прав на криптовалюту подвергаются воздействию со стороны криптовалюты, токенов, правовой режим которых требует от этих лиц адекватных действий в гражданском обороте. Так, субъективные права участников гражданских правоотношений во многом зависят от правового режима объектов данных отношений, а не только от активных действий самих субъектов этих прав. Субъекты прав вынуждены действовать сообразно императивам правового режима объектов, интересов всего общества.

В некоторых случаях гражданское законодательство допускает полное совмещение понятий субъекта и объекта, в частности применительно к некоторым юридическим лицам. Так, унитарные предприятия, отнесены к субъектам гражданских правоотношений (п. 3 ст. 1 ГК). А согласно ст. 132 ГК предприятие как имущественный комплекс отнесено к объектам гражданских правоотношений. Причем понятие предприятия как имущественного комплекса применяется не только к унитарным предприятиям, но ко всем коммерческим юридическим лицам. Таким образом, в гражданском праве возможно юридическое и фактическое расчленение понятия юридического лица на объект и субъект правоотношения. Эта операция производится путем продажи юридическим лицом своего имущественного комплекса (объекта) другим субъектам с сохранением юридического лица продавца как субъекта правоотношения.

Продав токены за валюту, физическое или иное лицо способно путем майнинга наполнить свой виртуальный кошелек другими токенами, может, еще в большем количестве, чем обладал ранее. Поэтому для стабильности гражданско-правовых отношений в государстве важен не столько вопрос об обороте токенов, сколько вопрос правового регулирования майнинга. Обычно майнинг сводится к серии вычислений по

различным моделям вычислений. Это трудоемкий и длительный процесс. За это полагается вознаграждение. Таким образом, майнинг – приобретение токенов возможен только по факту совершения указанных действий. Общественная значимость этих действий по производству токенов более чем сомнительна. Майнинг увеличивает денежную массу в руках (кошельках) отдельных лиц, не создавая никакого продукта для всего общества, во-первых. Во-вторых, майнинг не способен включить в валовой общественный продукт и какой-либо товар с новой стоимостью. Майнинг токенов не подкреплен и не гарантирован никаким имуществом. Майнинг, по сути, есть частный станок по печатанию новых суррогатных денег, направляемых на покупку валюты на рынке. Это вызывает превышение спроса над предложением на национальные деньги и иностранную валюту. А значит, майнинг несет дополнительные риски для экономики общества, способствуя дестабилизации экономических отношений. Такие суррогатные деньги служат только интересам участников майнинга. Причем, надо заметить, майнинг – не единственная технология создания новых блоков и обеспечения эмиссии криптовалюты. А коль скоро такие технологии не запрещены, то они могут осуществляться в силу указанной общей дозволенности возникновения гражданских прав. Дозволив существование токенов, Декрет № 8 должен был бы сказать и о запрещении хождения и использования иных криптовалют и иных технологий эмиссии криптовалют, кроме майнинга в Беларуси. Но он, напротив, декларирует необходимость внедрения в Беларуси новых форм цифровизации и технологий использования виртуального пространства, и опять же ограниченным кругом лиц. По мнению экспертов Европейского центрального банка, виртуальные валюты способны влиять на выполнение центральными банками задач в области ценовой и финансовой стабильности, надежности платежной системы, на монетарную политику и ценовую стабильность [5, с. 4–35]. Сказанное означает, что необходимо дополнительное правовое обеспечение и правовое закрепление специального механизма по контролю за деятельностью субъектов крипторынка в Беларуси. Требуется и альтернативная техническая база и интеллектуальный ресурс по контролю за деятельностью субъектов крипторынка в Беларуси.

Учитывая многофункциональность токенов, важными являются вопросы универсализации и индивидуализации правового регулирования криптовалюты в Беларуси. Декрет № 8 не учитывает, что в мировой практике существует множество видов токенов: пользовательские токены, токены-акции, токены-сертификаты, кредитные-токены, лицензионные токены, долговые токены, токены капитала [6, с. 22]. Каждый

из них должен подвергаться специально правовому регулированию, чего в декрете нет, и непонятно, о каких токенах идет речь. Кроме того, все разновидности токенов и криптовалюты подлежат определенному унифицированному правовому регулированию, поскольку у них есть общие правовые признаки.

Универсализация правового регулирования наряду со специализацией регулирования отдельных видов объектов гражданских отношений есть неперемнное условие существования нормального правового регулирования. Однако отечественное гражданское законодательство серьезно страдает от недостатка такого единства унификации и специализации правового регулирования. Так, ст. 128 ГК не учитывает все виды объектов, участвующих в гражданском обороте. Помимо традиционных объектов гражданских правоотношений, определенных в ст. 128 ГК, тот же ГК в иных нормах допускает использование и иных объектов. Это такие объекты, как энергия, профессиональные знания, навыки, умения, деловая репутация, деловые связи (ст. 912 ГК) и др. Соответственно, указанного в ст. 128 ГК видового деления объектов гражданских правоотношений явно недостаточно.

Кроме того, если взять такие объекты, как вещи и иные объекты гражданских прав, то все они соотносятся между собой с учетом их сложной иерархии, деления по родовым, видовым, подвидовым и иным признакам. Причем, как показано выше, объекты прав имеют многофункциональное правовое назначение. Выделение родовых, видовых и иных признаков объектов гражданских прав и правоотношений позволяет конкретизировать и индивидуализировать их гражданско-правовое регулирование. При этом обозначение общих признаков всех объектов позволяет осуществлять типизацию (универсализацию) их правового регулирования с применением единых для них норм.

Объекты гражданских правоотношений формируются в типы (группы) по своим особым юридическим признакам. Естественные свойства объектов прав, как например, осязаемость вещей, тоже может иметь правовое значение. Но для права важны те столько естественные природные, экономические и иные свойства объектов, сколько те их признаки, которые определяют правовой режим объектов, социально-правовые критерии их подразделения на типы, виды, подвиды и др.

Коль скоро криптовалюта стала продуктом творческой интеллектуальной и технической деятельности людей, легализована и имеет признаки имущества, то возникают вопросы о понятии имущества как объекта гражданских правоотношений. Только ответив на этот вопрос, можно говорить об особенностях правового режима криптовалюты как

вида имущества. Выделение в ст. 128 ГК вещей и их разновидностей, включая деньги, ценные бумаги, иное имущество и имущественные права, произведено сумбурно. Во-первых, не учтен осязаемый характер вещей. По этому критерию имущественные права и криптовалюта никак не вписываются в разновидность вещей. Категория «имущество», включенная в число разновидностей вещей, носит искусственный характер. По своей сути имущество не вид вещей, а родовое явление по отношению к вещам, деньгам, акциям, имущественным правам и иному имуществу. Таким образом, классификация вещей и имущества в абз. 2 ст. 128 ГК поставлена с ног на голову. Решение проблемы возможно путем внедрения в ГК типовой группировки объектов прав. С этой целью в абз. 2 ст. 128 ГК надо указать, что типом объектов гражданских прав является «имущество, включая вещи, деньги, ценные бумаги, имущественные права и иное имущество». Легализация типизации объектов гражданских прав возможна по различным направлениям и критериям. Как показано выше, типовыми объектами являются товары, информация, объекты права интеллектуальной собственности и др.

Понятие имущества, коим является и криптовалюта, законодательством Беларуси не установлено. Наиболее широкое перечисление того, что входит в состав имущества, дается в законодательстве о предприятии как имущественном комплексе (ст. 132 ГК). Указывается, что в состав имущественного комплекса предприятия включаются все виды имущества, предназначенные для деятельности предприятия, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания) и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законодательством или договором.

В гражданском законодательстве к имуществу причисляются вещи, работы, услуги, имущественные права и исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности. Некоторые исключительные права также рассматриваются как имущественные права, например права на публичное воспроизведение и распространение результатов интеллектуальной деятельности. Как видно из сказанного, в перечне того, что относится к имуществу, находятся как осязаемые вещи, результаты работы, так и услуги, которые не имеют осязаемых результатов, а представляют собой процесс деятельности субъектов гражданских правоотношений. Тем не менее, общим для данных объектов является то, что вещи, работы и процесс оказания услуг могут

быть осязаемы органами чувств человека, а также объективно оценены современными правовыми средствами.

В то же время в составе имущества находятся гражданские имущественные права, которые, как уже сказано, никак не осязаемы. Но они могут иметь товарно-денежную оценку в процессе обмена, равно как вещи, работы и услуги. Из этого следует, что единым объединяющим юридическим признаком всех видов имущества является их способность иметь эквивалентную меновую стоимость. В этом выражено принципиальное отличие имущества от личных неимущественных благ. Криптовалюта не наделена свойством иметь эквивалентную общественно значимую стоимость. Наиболее специализированный правовой режим, как уже сказано, у имущества, используемого в предпринимательских целях. Оно подвержено специальному правовому учету и контролю как со стороны самого собственника, так и со стороны государства и гражданского общества. Причем такой учет имущества собственником обязателен. Значит, собственник и иное лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, обязаны нести имущественные и иные затраты по надлежащему управлению своим имуществом. Для этого существует специальное бухгалтерское, налоговое и иное законодательство. Но ст. 1 ГК и Декрет № 8 не распространяют этот режим на всех лиц, эмитирующих и использующих криптовалюту. Следовательно, в этих, как и во многих других, указанных выше случаях криптовалюта не вписывается в понятие универсального объекта гражданских отношений даже с точки зрения своей имущественной природы.

Целесообразность *выделения имущества в самостоятельный тип* объектов гражданских прав и правоотношений состоит в том, что все его виды смогут регулироваться едиными нормами права. Такое правовое отождествление вещей и имущественных прав влечет применение к вещам и иному имуществу единых норм права, допускает отождествление их правового режима. Указанное объединение разнородных объектов гражданских прав производится по объективным критериям, несмотря на разграничение этих объектов в различные виды согласно ст. 128 ГК. Объединение различных видов объектов прав, определенных в ст. 128 ГК, в один тип, называемый имуществом, с последующим выделением его видов будет указывать и на то, что различные виды имущества могут быть подчинены различным правовым режимам. Такое разграничение особенностей правового режима отдельных видов имущества обусловлено единством индивидуального и общего (родового, универсального) правового регулирования.

Заключение

Таким образом, криптовалюта не отражает свойств традиционных объектов гражданских правоотношений, с которыми она должна соприкасаться и в силу всеобщего закона взаимного отражения должна иметь необходимые свойства этих объектов. Так, криптовалюта не имеет свойства достоверности информации, которую она несет, в частности о своей всеобщей эквивалентности, что необходимо для денег, к роли которых она тяготеет. Будучи суррогатом денег, она имеет ограничения в обороте, который сводится только к узкой сфере спекулятивного обмена на национальную и зарубежную валюту, и не имеет под собой никакого произведенного общественно значимого продукта. Не обладает криптовалюта признаком доступности и др. А как известно, всякое развитие имеет перспективу, если оно происходит на конкурентной основе. Ограничение прав и свобод субъектов гражданских отношений, нарушение принципов равенства, монополизация использования новых видов объектов, включая криптовалюту, не позволит достичь ожидаемого эффекта повышения качества и эффективности товарно-денежных отношений.

Отмеченные выше недостатки ГК в вопросах правового регулирования объектов гражданских правоотношений требуют оперативного изменения и дополнения, поскольку сохранение действующих положений ГК, отражающих ушедший в прошлое советский уровень правопонимания, не приведет к реализации стоящих задач, включая задачу цифровизации всего народного хозяйства страны.

Список использованных источников

1. Витушко, В. А. Курс гражданского права: Общая часть : науч.-практ. пособие / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2001. – Т. 1. – 414 с.
2. Витушко, В. А. Курс гражданского права: Общая часть : науч.-практ. пособие : в 5 т. / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2002. – Т. 2. – 717 с.
3. Бегер, А. Н. Биткоин как потенциальная опасность для финансовой системы / А. Н. Бегер // Вест. Московского ун-та. – 2018. – № 1. – С. 3–36. – (Серия 26 «Государственный аудит»).
4. Вильнянский, С. И. Лекции по советскому гражданскому праву / С. И. Вильнянский. – Харьков : Изд-во Харьковского гос. ун-та, 1958. – 339 с.
5. Матвеев, Д. Взыскание электронных денег Webmoney в судебном порядке / Д. Матвеев // Юридический мир. – 2017. – № 7. – С. 4–35.
6. Воробей, А. В. О видах токенов на финансовом рынке. ICO как новая форма привлечения капитала / А. В. Воробей // Промышленно-торговое право. – 2018. – № 10. – С. 22.

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ ИНСТИТУТА ЛИЧНОГО БАНКРОТСТВА

Ленцевич Ольга Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент, кафедры правовых дисциплин Минского инновационного университета, г. Минск

Аннотация: в статье исследуется процесс становления и развития института ответственности по долгам в гражданском праве, который изначально носил личный характер. Рассматриваются основные этапы формирования института личного банкротства в эпоху Древности, Средневековья, Нового и Новейшего времени, преимущественно на западноевропейском материале. Особое внимание уделено особенностям правового закрепления личной ответственности в правовых памятниках на территории Беларуси.

The summary: the article researches the process of formation and development of the institution of liability for debts in civil law, which was originally personal in character. We consider the main stages of the formation of the institution of personal bankruptcy in the era of Antiquity, the Middle Ages, the New and the Newest time, mainly on the Western European material. Particular attention is paid to the peculiarities of the legal consolidation of personal responsibility in legal monuments in Belarus.

Поступила в редакцию 10.07.2019.

Введение

Правовое регулирование вопросов имущественной ответственности по долгам имеет весьма длительную историю. Уже в первых государственных образованиях была закреплена ответственность должника перед кредиторами, которая носила личный характер. В современном мире институт экономической несостоятельности (банкротства) находит широкую сферу применения и достаточно глубоко разработан в отношении субъектов, занимающихся предпринимательской деятельностью. В то же время во второй половине XX в. он стал применяться и в отношении физических лиц, не являющихся предпринимателями. Сам данный факт, таким образом, подтверждает актуальность правового явления, не утратившего значения и в современном мире. Исследование основных этапов становления института личного банкротства представляет определенный исследовательский интерес, в том числе в нашей стране, поскольку на сегодняшний день ведется дискуссия, в основном в научных кругах, относительно перспектив введения